

**УДК 821 (470.661). 09**

**ББК 83.3 (2=Чеч)**

**Я 91**

**Яхьяева З.И.**

*Заведующая учебно-методическим кабинетом кафедр русского языка и литературы, аспирант кафедры литературы и методики преподавания Чеченского государственного педагогического института, e-mail: magazuhra@mail.ru*

**Формы выражения авторской концепции природы  
в повести М. Ахмадова «Горы воздвигая на земле»  
(Рецензирована)**

***Аннотация:***

Рассматривается художественно-философское осмысление природы в повести Мусы Ахмадова «Горы воздвигая на земле»; выявляется новаторский подход в формах и способах выражения авторской концепции личности и культуры; подчеркиваются особенности пейзажа и портрета в изображении героя и его времени; делается вывод о значимости концепта «природа» для создания психологической характеристики положительных персонажей повести.

***Ключевые слова:***

Символические мотивы и образы, сферы природы, основные первостихии, функции, формы, духовно-религиозные представления, концепт, лексема.

**Yakhyaeva Z.I.**

*Head of Education-Methodical Laboratory of Russian and Literature Departments, post-graduate student of Department of Literature and Technique of Teaching, Chechen State Pedagogical Institute, e-mail: magazuhra@mail.ru*

**Forms of expression of the author's concept of nature  
in M. Akhmadov's story «Mountain Erection on the Earth»**

***Abstract:***

The paper discusses the artistic and philosophical comprehension of the nature in Musa Akhmadov's story «Mountain Erection on the Earth». Innovative approach in forms and ways of expression of the author's concept of the personality and culture is shown. Characteristic features of a landscape and a portrait used to depict the hero and his time are emphasized. The conclusion is drawn that the concept of nature is of great importance for creating the psychological characteristic of positive characters of the story.

***Keywords:***

Symbolical motives and images, spheres of the nature, the main classical elements, functions, forms, spiritual and religious representations, concept, lexeme.

Общепринятое в эпосе объективированное изображение пейзажа сочетается у выдающегося чеченского писателя М.Ахмадова с субъективно выраженным и субъективно осмысленным отношением к природе, когда это подано через призму индивидуальных ощущений того субъекта литературного текста, кото-

рого чаще всего принято называть лирическим героем. Даже если данное определение не вполне подходит к прозе Мусы Ахмадова, отдельные признаки этого явления в его прозе налицо, поскольку в ней очень сильны признаки индивидуально-авторского, исповедального начала, хотя и «передоверенного» другим, объективированным, эпического характера персонажам. Многообразные смысловые, информативные, символические мотивы и образы всех сфер природы (восходящие к первостихиям – земля, воздух, огонь, вода) насыщают прозу Мусы Ахмадова, органично существуют в ткани его текстов в самых различных функциях и формах, поскольку «цель человеческого познания состоит в раскрытии тайного, символического значения явлений природы. Все полно тайного смысла, тайных символических соотношений с писанием... Весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл, восходящий к архетипам коллективного бессознательного» [1: 60]. Анализу данных явлений также посвящена работа: Bodkin, M. «Archetypal patterns in poetry: Psychological Studies of Imagination» [2].

Однако прежде всего мы считаем необходимым вычленив из корпуса текстов писателя, представленного в Первом томе его избранных сочинений, тот текстовый комплекс, который содержит в себе прямые высказывания о природе, за которыми стоят авторские размышления об этом предмете. Данное издание объединяет тексты прозы и драматургии Мусы Ахмадова за большой, тридцатилетний период – с начала 1980-х по 2008 год [3]. В художественной ткани прозы М.Ахмадова, максимально насыщенной интересующим нас материалом, природа функционирует в двух основных ипостасях, контекстах. С одной стороны, это образный, вымышленный, мифо-поэтический, эмоционально-психологический аспект; с другой стороны, это логический, рациональный, понятный, - авторский план.

Концепт «природа» в данном собрании текстов М.Ахмадова встречается около 50 раз. Естественно, что употреблен он, главным образом, в авторской речи, и, в редких случаях, в речи персонажей. Это объясняется тем, что само понятие, обозначаемое термином «природа», и сама лексема относятся, скорее, к сфере научной, а не художественной, образной, речи. Впервые концепт «природа» упоминается в довольно ранней повести М.Ахмадова под названием «Горы воздвигая на земле» (1986), написанной, согласно предваряющему текст авторскому посвящению, «С любовью к людям, павшим в боях с деникинцами в чеченских и ингушских селениях».

Однако вопреки ожиданиям того, что эта повесть будет посвящена исключительно событиям гражданской войны, политическому противоборству конкретного историко-революционного периода, батальным сценам, речь в ней идет о другом – о вечных ценностях, о конфликтах, лежащих не только и не столько в русле революционной борьбы, а в том, что было сформулировано Иоганном Вольфгангом Гете в его великой фразе: «А поле битвы – сердце человека». Крайне смелым для молодого писателя в середине 1980-х годов был сам выбор темы и персонажа – человека, глубоко внутренне обращенного к духовно-религиозному представлению о мире и человеке. В центре повествования находится фигура героя по имени Ибрагим-хаджи, о котором говорили как о человеке, которому Аллах приоткрывает кое-какие тайны. Именно здесь М. Ахмадов впервые целенаправленно и осознанно, через восприятие, умонастроения и умозаключения, особую концентрацию духовности своего героя, прошедшего через определенный обет, приходит к размышлениям о сути природы-мироздания и места в ней человека: *«Мир стал намного светлее и значительнее. Если раньше он просто видел воду, траву, камни, теперь же ему открылась их глубинная суть, он увидел звенья связующей их цепи, услы-*

шал удивительную музыку этих связей» [3: 39]. И именно здесь впервые в авторской речи появляется искомое нами слово, концентрирующее в себе философию бытия, мира и человека: «*Все в природе казалось возвышенным, глубоким и чистым, у всего была своя душа, своя боль, своя радость – даже у камня. Он понял, что тайны Земли, Вселенной, звезд невозможно постичь за один день или даже за всю человеческую жизнь, для этого мало и тысячелетий, что раскрыть их до конца невозможно – одна обнаженная тайна скрывает другую, новую, и нет этому ни конца, ни начала. «А человек, – думал он, проведя в яме сорок суток, – должен, всю жизнь возвышаясь чистотой своей души, подниматься в гору»* [3: 40]. Очевидно, что эти постулаты принадлежат самому М.Ахмадову, писателю и философу.

Вторым важнейшим ключевым эпизодом повести «Горы воздвигая на земле», в контексте которого фигурирует слово «природа», оказывается тот, в котором утверждается известная парадоксальная идея о том, что, когда грохочут пушки, музы не молчат. Действие данного эпизода происходит во время одного из наиболее драматичных моментов противостояния местного населения и деникинцев. Когда погибает герой по имени Айда, прославившийся своим гениальным искусством исполнения и импровизации чеченских народно-героических песен илли, когда под натиском белых все тяжелее сопротивляться аульчанам, складывается исключительная ситуация, когда девушки селения, мобилизовав свои творческие и душевные силы, выступают на борьбу с захватчиками одним им доступными средствами – арсеналом таланта, смелости, любви и красоты, сконцентрированно выраженным в народном танце. Варианты этого мотива широко известны в мировом фольклоре.

Создание автором динамичного, полного жизни и движения портрета героини является одним из лучших достиже-

ний Мусы Ахмадова: «*Для девушек, окружавших Себилу на вершине холма, оставалось загадкой, как удается ей скользить, словно по льду, по бугристой, мерзлой земле. Под широким платьем угадывалась каждая линия ее изгибающегося в танце тела, полного огня и крови, открывалась его первородная, словно у самой всерождающей земли, материнская сущность»* [3: 50]. Описывая героиню как венец всего сущего на Земле, как сконцентрированное выражение жизненных сил, автор неизбежно должен был вновь вспомнить и употребить в тексте лексему «Природа»: «*Свет жизни, отпущенный ей природой при рождении на весь век, она, не скупясь, выплеснула сейчас в этом танце. Этот свет озарил все вокруг... Так велось издревле: девушки, женщины вставали позади сражающихся братьев, отцов, мужей, возлюбленных; так же становились и старики»* [3: 51]. Из авторского комментария можно заключить, что героиня и является тем самым знаком, символом, объединяющим в себе все то, что мы и должны включить в число национальных, в данном случае чеченских, образов мира. Слово природа оказывается ключевым, ведущим за собой целую цепочку авторских ассоциаций и реминисценций, обращающихся теперь уже и к сфере истории, и народных легенд и преданий героического и онтологического характера, построенных на отчетливо выраженном гендерном начале.

Изображение танца дается Мусой Ахмадовым в контексте, в слиянии с музыкой природы, в данном случае ее первостихий – огня, воздуха, воды в ее снежной реинкарнации: «*А сейчас она танцевала, чтоб придать еще больше мужества аульчанам, приумножить их силы, пробудить звуками музыки и жаром танца радость и силу жизни. Руки ее языками пламени кружили в морозном воздухе, и снежинки таяли на них, и она была пылающим пламенем»* [3: 56]. Прекрасная движущаяся картина вызывает адекватную

реакцию обеих сторон данного противостояния, особенно яркую и контрастную на фоне, в контексте определенного природного состояния. Философия действенной красоты, доступная, казалось бы, каждому человеку, и сформулированная в фразе Ф.М.Достоевского «Красота спасет мир», оказывается на вооружении и Мусы Ахмадова: «*Аульчане до сегодняшнего дня и не подозревали, насколько богат их аул. Они знали: эту красоту надо сберечь любой ценой, если же сберегут, они останутся непобедимыми, ростки их жизней будут пробиваться сквозь оттаивающую землю всегда*» [3: 56]. Образы природы, насыщенные концентрированными смыслами – стылой земли, зачахших растений, падающего и тающего снега – оказываются накрепко слитыми с образами человеческой же природы – крови из раны на груди, стекавшей на стылую землю и не хотевшей замерзнуть, земли, вбирающей в себя все: умерших своей смертью и убитых, невинных и грешников, добрых и жестоких, и зачахшие кусты, и опавшие листья, и тающий снег, и пролитые слезы.

Ход сюжета повести «Горы воздвигаю на земле» поступательно после всех описанных в ней трагических событий движется к скорбному финалу, в котором, однако, автор демонстрирует глубокое чувство мудрости и примирения. По нашему мнению, финал данной повести представляет собой трехчастную структуру, состоящую из совершенно автономных и одновременно внутренне связанных между собой и взаимодополняющих, взаимодополняемых элементов. Первый из них, созданный в характерной для Мусы Ахмадова форме лаконичного и крайне многозначительного диалога, естественно вытекает из основного сюжетного хода событий, логически завершает его и возвращает нас к образу главного персонажа, первым появившегося в системе образов произведения: «– *Что делать с гостями, Ибрагим-хаджи? – Как что? Хо-*

*ронить вместе с аульчанами.– Но ведь они другой веры. Может быть, похоронить их отдельно?– Нет, Сардал. Равны они перед Богом. Хоронить их надо вместе. (...)*» [3: 63]. Этот диалог практически не требует комментариев. Для людей, живущих по исконным законам природы, не существует искусственно возведенных между ними стен, разделяющих и противопоставляющих их по национальным, конфессиональным и прочим признакам.

Второй компонент финала повести выглядит совсем по-иному. Он без каких-либо предварительных комментариев начинается с поэтического текста, самого по себе являющегося лирическим, отчасти лиро-эпическим комментарием к драматическому содержанию повести «Горы воздвигаю на земле». Начало данного стихотворного текста отличается глубиной и высоким чувством его лирического содержания, передаваемым посредством таких синтаксических фигур, как анафоры и другого рода повторы. Каждое двустопное представляет собой лирическое обращение к самым прекрасным природным объектам, наполненным глубоким мифопоэтическим смыслом. Однако все эти обращения проникнуты скорбным и драматическим смыслом, выраженным посредством глаголов в отрицательной форме. Каждая новая строфа включает в себя градацию, все более и более усиливающую этот многогранный и скорбный смысл, когда трагические явления и события человеческого – индивидуально, семейно-родственного и народного бытия сопровождаются параллелизмами из природной образности. Многочисленные образы-символы живых существ из мира природы – *серые кукушки, Скворцы весенние, Лев старый, немощный мужчина, оставшийся без сыновей, старый сокол* – наполняют текст ощущением глубокой печали, безысходности, тоски.

Сразу после этого текста автор, не указав на его источник – фольклорный либо принадлежащий перу самого автора

– определяет жанровую и тематическую принадлежность данного текста: *«Печальная эта песня парила в весеннем воздухе»*. Данный вставной стихотворный фрагмент повести можно рассматривать как лирический комментарий к ее драматическому, порой трагическому действию. Текст песни наполнен образами и символами природы, присутствующими практически в каждой строке. Здесь, в первую очередь, присутствует символика времени и пространства, света и воздуха: прекрасный вечер, закатная мгла, рассвет прекрасный, лучи зари, утро ясное, солнце золотое, весна в кипенье красок. Здесь и картины ландшафта, образы фауны и флоры, которые вызывают прямое обращение, заклинание создателей - исполнителей песни: *«Долины, вы не хорошейте, надев наряд зеленый свой», «Не плачьте, серые кукушки, печалью наполняя лес»*... [3: 69]. Скорбные образы песни построены на отрицательном параллелизме, кон-

трасте между совершенством природы и траурным трагизмом в жизни людей. Особенно пронзительны в тексте песен образы крупных животных, начиная с образа одинокого волка. Вся последующая часть финала, непосредственно примыкающая к тексту этой песни, может рассматриваться как третий, наиболее значимый его компонент. Именно здесь Муса Ахмадов вновь, на коротком отрезке текста, представляющем собой лирико-публицистическое, частично пейзажное, отступление автора, трижды употребляет концепт «природа». В результате внимательного прочтения повести можно прийти к выводу, что концепт «природа» может реально существовать в сознании именно таких персонажей повести, как Ибрагим-хаджи и Элад, людей, склонных к анализу и глубокому постижению законов мироздания в их взаимодействии с человеком, народом в целом, являющимся носителем и гарантом истинных ценностей.

#### Примечания:

1. Степанова Т.М., Зухба С.Л. Д.С.Лихачев о фольклорной модели мира в древнерусской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 56-64.
2. Bodkin M. Archetypal patterns in poetry: Psychological Studies of Imagination. N. Y.: AMS Press, 1978. Т. XIV. 340 p.
3. Ахмадов М. Деревянные куклы. Избранное: в 2 т. Т. 1. Повести, рассказы, пьесы: пер. с чечен. Нальчик, 2010. 580 с.

#### References:

1. Stepanova T.M., Zukhba S.L. D.S. Likhachev about the folklore model of the world in Old Russian literature // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2012. Iss. 1. P. 56-64.
2. Bodkin M. Archetypal patterns in poetry: Psychological Studies of Imagination. N. Y.: AMS Press, 1978. V. XIV. 340 pp.
3. Akhmadov M. Wooden dolls. Selected works: in 2 v. V. 1. Stories, short stories, plays: transl. from Chechen. Nalchik, 2010. 580 pp.